

ПОЛИТОЛОГИЯ

Т.И. Малиева

К вопросу об идеологии как проблеме постсоветского общества

Термин идеология впервые появился во Франции в эпоху Просвещения. Именно в этот период там начинает формироваться «наука о мыслях людей». Автор работы «Этюд о способности мыслить» Дестют де Траси использует слово «идеология», характеризуя науку об идеях. В другой своей работе «Элементы идеологии» он подробнее развивает это понятие. По мнению Дестюта де Траси, идеология – это наука об идеях, об их создании, выражении и распространении. Он считал, что эта наука должна быть такой же точной, как и все естественные науки.

Разумеется, возникновение понятия об идеологии нельзя отождествлять с появлением самой идеологии. Идеология, как известно, возникла еще в древности как закономерное и необходимое явление, как деятельность людей, которые производят только идеи. Со временем значение и влияние идеологии возрастает, что обусловило появление довольно больших групп людей-идеологов.

Задача любой идеологии – объяснить и обосновать тот социально-экономический порядок, который она защищает. Апология своих приверженцев и критика идейных оппонентов – существенные признаки любой идеологической деятельности. Апология идей нуждается в легитимизации. Ее основной формой является апелляция к тому, что признается безо-

говорочно как авторитет или как истина в последней инстанции. Религиозная идеология базируется на постулате, который практически нельзя ни опровергнуть, ни подтвердить. В этом заключается, в известном смысле, ее сила.

Просветители апеллировали к естественным наукам, которые давали описание картины мира и определяли природу человека. Но каков мир? И какова природа человека? Наука вряд ли когда-нибудь даст окончательный ответ на эти вопросы.

Религиозная, либеральная, коллективистская идеологии – каждая из них заявляет о себе, как единственной теории, соответствующей природе человека и его общественным связям.

Конкуренция концепций свидетельствует как о сложности проблемы, так и о наличии поисков ее решения, что само по себе ценно.

В нашем обществе эта проблема стоит очень остро. В течение одного века россиянам приходится дважды существенно пересматривать практически всю систему ценностей. В известном смысле, задача восстановления духовного каркаса важнее преодоления недостатков в сфере жизнеобеспечения. Фразу режиссера К. Шахназарова, которую он обронил в одном из интервью «мне кажется, что распад России продолжается», я понимаю как однозначное выражение состояния бездуховности нашего общества.

Отношение отечественных теоретиков к идеологическому творчеству различное. Но различие это несущественное, оно проявляет себя в русле апологии перестройки. Тем не менее можно выделить три течения: отрицание идеологии как конструктивного, необходимого начала в обществе, или доморощенная деидеологизация, второе направление – антикоммунизм и антисоветизм и третье – апология перестройки в собственном смысле слова, то есть оправдание общества с рыночной экономикой, частной собственностью как основы свободы и демократии.

Границы между ними условны из-за некоторой общности аргументов.

Направление идеологических нигилистов возникает как побочная ветвь антикоммунизма и антисоветизма, утратившая пафос критики советского прошлого.

Суть данного направления заключается в неприятии любого идеологического вмешательства в объективный ход вещей. Идейные нигилисты это антиидеократы. Вмешательство социального интеллекта в естественный ход вещей если и признается, то лишь в виде прагматичных целей. В качестве руководящего принципа они предлагают здравый смысл.

Антиидеократы – суть здравомыслы. Пионерами в этой области были журналисты. Именно они с удовлетворением отметили тот поворот, который сделал наш народ от поиска идеалов «светлого будущего» к прагматичным целям. Наконец-то, с радостью было ими отмечено, «кухаркины дети» займутся тем, чем положено им заниматься, то есть работать, а не витийствовать о будущем государства и общества. Эти суждения, суть которых выражена во фразе «Богу богово, а кесарю кесарево», прозвучали и в серьезных научных изданиях. Это образное выражение, глубоко антидемократическое по содержанию, витало в воздухе еще до перестройки. Перестройка многим позволила снять маски.

Здравомыслы были принципиально против любого теоретизирования. Например, А. Изюмов в статье «Идеология здравого смысла» пишет с сожалением, что «хлебом нас не корми – дай поспорить о единственно правильном определении социализма или о том, что имели в виду Маркс в 1865 г., а Ленин в 1918 г. Нигде в мире граждане не озабочены так вопросом, в каком именно обществе они живут? Неужто мирового опыта и собственного здравого смысла не хватает нашему народу, чтобы выбраться из сегодняшних тупиков? Зачем обязательно подводить теоретическую базу под то, что понятно и без нее? Ан нет – идеология как догма, как наркотик цепко держит нас в своих объятиях» [1]. Изюмов считает, что новые идеологические концепции станут оковами, сдерживающими поиск

оптимального пути развития нашего общества. Идеология в частности и идея в целом рассматриваются как тормоз общественного развития. По логике здравомыслов ответственность за крах советского проекта лежит на идеях, вне зависимости от их содержания.

Идейные нигилисты в истории – не редкость. Например, М. Бакунин. Он писал, подчеркивая определенную беспочвенность идей: «страшен деспотизм интеллигентного и потому привилегированного меньшинства, будто бы лучше понимающего настоящие интересы народа, чем сам народ. Быть рабами педантов, что за судьба для человечества! Дайте им полную волю, они станут делать над человечеством те же опыты, какие ради пользы науки делают теперь над кроликами, кошками, собаками... Горе было бы человечеству, если бы когда-нибудь мысль сделалась источником и единственным руководителем жизни, если бы науки и учение стали бы во главе общественного управления... Жизнь иссякла бы, а человеческое общество обратилось бы в бессловесное и рабское стадо» [2, с. 78].

Современные идейные нигилисты отличаются от Бакунина тем, что обосновывают запрет на любую идеологию без проведения какой-либо экспертизы на ее соответствие органической духовной среде. Бакунин отстаивал почвеннический подход в области идеологического творчества, а его современные последователи говорят о вреде любых идеологических построений. Бакунин требует критического отношения к социальному творчеству в области идеологии, а значит, признает его необходимость. Современные идейные отрицатели предлагают простой и доступный принцип: разрешается все, что не противоречит здравому смыслу. Логика такова: если, рассуждают они, социальный разум как творец идеологии приносил нам одни ошибки, надо ограничить его творчество рамками здравого смысла.

Что же советует здравый смысл его почитателям? Он советует придерживаться политики невмешательства в объектив-

ный рыночный механизм саморегулирования, который сам все выправит в жизни человека и общества. Деятельность идеологов сводится лишь к оформлению того, что уже сложилось в жизни народа. Неслучайно идеология «здорового смысла» получает и другое название – «идеология самотека». Рыночный механизм саморегулирования объявляется ими чуть ли не новым нравственным евангелием. У наших доморощенных здравомыслов есть влиятельный авторитет – нобелевский лауреат – австро-английский экономист и философ Фридрих фон Хайек, который рассматривал развитие общества как сложный спонтанный процесс, в котором взаимодействуют социальные институты, моральные традиции, без чьего-либо замысла и координации из единого центра. Трудно согласиться с положением о неуправляемости социальных процессов. Сам Хайек признавал необходимость соблюдения универсальных правил поведения, сочетающихся с некоторой автономией индивида. Сфера автономии индивида, по Хайеку, складывается в конечном итоге как результат эволюционного отбора, обеспечивающего рост богатства тех групп, которые следовали в русле либеральной экономики и права. Как видим, у Хайека естественный отбор обеспечивает рост богатства только тех, кто следует в определенном русле. Отбор как целенаправленная деятельность существует и у Хайека, только исходит она не от государства, а от институтов частного предпринимательства.

Термин «спонтанные процессы» очень часто обозначает осуществление заранее продуманных замыслов, преподносимых как объективные процессы. Можно лишь говорить о разных субъектах, уровнях и степени управления обществом.

Хайек увязывает государство и неэффективность управления, частную собственность и эффективность. Отечественные здравомыслы поступают так же.

«Сегодня наиболее острые дискуссии, – пишет Изюмов, – ведутся вокруг частной собственности: допускать или нет. На мой взгляд, пустая трата времени. Уберите из этого спора

идеологию, и все встанет на свои места. Ясно ведь, что частное предпринимательство (от Швеции до Южной Кореи) работает эффективнее общественного и в итоге куда быстрее приводит к осуществлению здоровых марксистских идеалов (процветание, справедливость, свобода), чем все наши идеологические чистые попытки. Так что же лучше: жить богато и свободно с частной собственностью, или бедно и убого – с государственной? Что приятнее: подвергаться частной эксплуатации за высокую плату или государственной – за низкую? Пугают побочные эффекты, безработица? Давайте тогда подумаем о социальной защите» [1].

Эти рассуждения можно по аналогии продолжить. Например, очевидно, что быть богатым и здоровым лучше, чем бедным и больным. Эмпирически также установлено, что богатство и здоровье существуют за счет того, что существует бедность и болезнь. Но совершенно непонятно, почему здоровомысли богатство и здоровье увязывают с частной собственностью, а бедность и болезнь выводят за скобки или признают их связь с частной собственностью редким исключением.

Убеждение в том, что государство есть самый главный и жесткий эксплуататор, а частная собственность – сама добродетель – общее место всех рассуждений сторонников идеологии «здорового смысла», или «самотека».

Как эти рассуждения соотносятся с практикой постсоветского общества, освободившегося от государства-эксплуататора? Прошло достаточно времени для сравнения двух разновидностей социальных структур. Какой выбор делает сегодня здравый смысл среднестатистического гражданина современного российского общества – в пользу частных структур (банков, пенсионных фондов, страховых компаний, коммерческих организаций) или государственных – аналогичного характера? Ответ очевиден. И сегодня государству доверяют больше, чем частным структурам, несмотря на «неджентльменское» его поведение по отношению к собственным гражданам. Как видим,

идеология «здравого смысла» приходит в противоречие с мнением граждан.

Справедливости ради надо отметить, что среди идеологов «здравого смысла» есть те, кто поставил вопрос о цене, которую необходимо заплатить за возвращение в русло цивилизации. С. Ершов пишет, что этот процесс «будет непростым, болезненным. Он потребует от нас воспринять основополагающие, нормативные, нравственные установки современной цивилизации. И прежде всего усвоить, что углубление социальной дифференциации общества, его расслоение на богатых и бедных – это объективное, закономерное средство экономического прогресса, во всяком случае, на обозримый период времени» [3, с. 14].

Как видим, экономический прогресс или «возвращение в русло цивилизации» потребует от нас освободиться от старых нормативных установок нравственности, таких как: взаимопомощь, сострадание к больным и бедным, чувство солидарности и т.д., и только тот, кто способен вырвать из своего сердца некоторые моральные и культурные табу, может приблизиться к мировой цивилизации. С моральной точки зрения идеология самотека – это антигуманизм. Потому что, признавая фундаментальное неравенство объективным ходом вещей, мы не можем оставаться в рамках морали.

Возникает в связи с этим вопрос: а нельзя ли «соединить» богатство с болезнью, а бедность со здоровьем? В известном смысле советский проект был такой попыткой, а идеологию этого периода можно назвать «идеологией выживания» [4], тотальный характер которой позволил нашему государству сохраниться, пройдя через две революции, две войны, осуществив несколько мобилизационных проектов за неполные 80 лет, и смягчить разрушительные последствия перестройки.

К идеологам самотека примыкают, как это ни странно, некоторые отечественные марксисты.

Догматически истолковывая тезис марксизма о первичности базиса и вторичности надстройки, они призывают не торопиться с идеологией. Следует подождать, пока окончательно сложатся объективные экономические отношения, то есть «устаканится», созреет базис, и только потом надо заниматься разработкой идеологии. Логика такова: развитая идеология требует развитых экономических отношений (учебник марксизма), а пока базис не созрел, идеология тоже грозит быть незрелой. Вывод: не надо торопиться с творчеством в области идеологии.

Общее со здравомыслием – требование невмешательства социального интеллекта в естественно протекающие процессы. Различие лишь в том, что догматики от марксизма мыслят идеологическое невмешательство как временное, а «здравомыслы» как принципиальное, на века.

Здравомыслы и догматики от марксизма – это идеологические разоруженцы. Но свято место пусто не бывает. Наше общество нельзя назвать деидеологизированным. Разумеется, идеологи перестройки не изобретают морального кодекса строителя демократии, они не пытаются четко обозначить зримые контуры будущего общества. Видимо, боятся быть заподозренными в тоталитаризме. Но борьба за умы ведется целенаправленно и планомерно. Суть ее апология перестройки. Апология любого социального проекта, как показывает история идей, включает два момента: первый – объяснение того, почему мы расстались с прошлым социальным проектом (критика советского прошлого), и второй – позитивный элемент – зримые контуры нормального общества, к строительству которого демократы приступили.

Критика советского проекта присутствует, но отрицание его скорее метафизическое, чем диалектическое. Методы, приемы те же, что использовали революционеры по отношению к царской России, то есть очернение, принижение прошлого как средство возвышения настоящего. Таких примеров

не счесть. Вот свежий пример: в октябре 2007 года в районе Кремля нашли останки захоронений людей (велись археологические раскопки) и сразу же, что называется «по горячим следам», они были квалифицированы как жертвы «сталинских репрессий», без обращения к знающим экспертам. Советское прошлое не просто критикуется, его превращают в некую страшилку для настоящего. Это неверно. Нельзя выбросить из Российской истории советский период и восстановить жизнь наших предков.

Восстановление внутренней логики отечественной истории – одна из составляющих будущей позитивной идеологии. И здесь, думается, не обойтись без объяснения (оправдания) советского тоталитаризма и возвращения уважения к «рабочей косточке», к тем, кого перестройка глумливо переименовала в «совков» и «шариковых», а также роли государства в российской цивилизации.

Я не призываю умерить гнев в оценке прошлого. Но выскальность оценок важна не только по отношению к прошлому, но и к тому, что происходит сегодня. Историю критиковать нет опасности. Эта критика не сопряжена с личным риском и неудобствами. Но много ли в таком случае к ней доверия? И много ли в такой критике подлинного морального смысла? Иногда можно услышать, что жестокость, исходящая от государства иная, чем жестокость террориста. Она – хуже. Эти суждения – свидетельство моральной деградации некоторой части нашего общества, возвышающего одну жестокость над другой. Зло есть зло, даже если оно необходимо. И когда нет попытки переименовать его в добро – это свидетельствует о нравственном достоинстве, о зрелости этических суждений, о том, что наше общество не покинуло «территорию морали». В связи с этим вызывают удивление настойчивые призывы к покаянию за ошибки и грехи наших отцов. По сути дела, от нашего общества требуется быть «святее папы римского». Удивление и недоумение вызывает тот факт, что призывы к покаянию исходят

от тех, кто, как и все, являются наследниками нашей сложной истории, а значит, должны, как и все, нести ответственность за ошибки, нелепости и преступления отцов. По какому критерию будем делить общество на «грешников», «святых» и «инквизиторов»?

Тема покаяния или надумана, или хорошо продумана. Я склонна придерживаться второго положения. Возникает вопрос – зачем? Цель, думаю, в том, чтобы создать эмоционально-психический фон, пропитанный мотивами национальной несостоятельности, ущербности и чувством манкуртизма. Манкуртами легко управлять. Неслучайно после краха реального социализма в средствах массовой информации подверглись ожесточенной критике как раз те идеи, на которых и возможно духовное возрождение России. Это идеи Родины, патриотизма, государственности, преданности своему народу, уважения к национальной культуре и т.д.

Россия во все времена держалась на авторитете государства. В Московской Руси, Петровской и Советской России существовал приоритет государства в улаживании социальных конфликтов и осуществлении социальной гармонии. Это представление о государстве сохраняется в нашем обществе и по сей день. По мнению В. Ключевского, все восстания в нашей стране были связаны с утратой веры в государственную власть вплоть до революции 1917 г.

Особый тотально-соборный характер российского государства А. Панарин объяснял как необходимый противовес национальной, культурной, конфессиональной полифоничности, а историк И. Игнатова – как историческую особенность, которая сложилась в результате перманентной защиты от внешних врагов, как форму правления, адекватную российским национальным просторам.

А. Тойнби в становлении русской цивилизации отмечал два цементирующих фактора: государство и церковь. При этом приоритет государства практически редко когда оспаривался

церковью. Российское государство, по его мнению, это универсальное государство, то есть не просто социально-политическая единица, а некий духовный центр, интегрирующий, мобилизующий наличные ресурсы общества на сохранение. И в советский период жизнеустройство замыкалось на сильное патерналистское идеократическое государство. Таким образом, именно государство в российской истории было той точкой опоры, сохранение которой, а не разрушение надо рассматривать как позитив.

Все рассуждения о приоритете личности над обществом или государством теряют всякий смысл, если они несут с собой угрозу существованию этого государства. Об этом же свидетельствует практика европейских государств. Полная выработка принципа меризма применительно к обществу и государству никогда не была осуществлена ими. Этот идеологический товар производится на экспорт, с определенной целью.

В контексте духовного возрождения России обсуждается вопрос о месте религии в обществе и государстве и православия, в частности. Одни считают, что религия должна играть ключевую роль. Другие, наоборот, утверждают, что «не стоит поступаться принципами», что делать ставку на религию невозможно из-за конфессионального многоголосья России. Некоторые, не возражая против религии в целом, выступают против православия, усматривая здесь симптомы великодержавного шовинизма.

Вне зависимости от различных оценок религия уже заняла прочное место в нашем обществе, демонстрируя чуть ли не единственное здоровое начало в культурной жизни российского общества.

В силу известных причин на религии не лежит груз ответственности за крах советского проекта. Ее авторитет не подвергался таким испытаниям, как государственные структуры.

Что же касается религиозной полифоничности, то она не является препятствием для объединения религиозных деятелей

разных конфессий, в первую очередь православия и ислама, в деле строительства будущего культурного фундамента России. История взаимоотношений православия и ислама показывает, что их никак нельзя назвать конфликтными. Национальные войны, которые велись на постсоветском пространстве, были замешаны не на религиозном факторе.

Российская цивилизация до сих пор сохранила доставшуюся ей от прошлого «азиатчину», а именно: властную вертикаль, жесткость которой всегда компенсировалась культурной толерантностью, то есть терпимостью к чужим богам, уважением чужих обычаев и традиций и т.п. Россия, как отмечал русский философ И. Ильин, сколько наций получила, столько и сохранила. Два фактора сыграли здесь решающую роль. Культурная толерантность как компенсация жесткой властной вертикали и цивилизационный фактор – все народы, за редким исключением, находились на одном цивилизационном витке, что облегчало поиск консенсуса в межнациональных войнах и конфликтах.

Религия подвергалась и подвергается критике за проповедь смирения. Смирение, то есть примирение с действительностью, выдается критиками религии за такое свойство человека, которое тождественно рабской психологии. Но вряд ли с этим можно согласиться. Примирение – это показатель не слабости духа, а его силы. Россия исчерпала лимит на революции. Примирение означает запрет на силовое решение социальных проблем. Религия, таким образом, «работает на понижение уровня конфликтности в обществе». После распада СССР, после того как каждый из нас утратил статус «советского человека», став русским, осетином, татаринном и т.д., именно религия стала выполнять интегративную функцию, объединяя нас не по национальному, а по религиозному признаку, частично снимая остроту межнациональных различий.

Поворот к религии связан также с проблемой идентификации личности, народа, которая обострилась после пере-

стройки. Религия – это часть культуры и обращение к ней закономерно.

Позиции религии сильны там, где сильны деструктивные тенденции, где деградация и разложение. Религия в такие периоды жизни может сыграть конструктивную роль, сплачивая людей для поиска выхода из кризиса. Связь религии и государства – вопрос непростой. Т. Гоббс, например, считал, что различные конфессии в одном государстве ослабляют его, и выдвигал требование: одно государство – одна религия. Д. Локк, напротив, высказывался за веротерпимость, за возможность бесконфликтного существования в одном государстве нескольких религиозных конфессий. Функции религии и государства различаются, но объединяет их нечто общее, существенное – стремление не допустить ада на нашей грешной земле, так как осуществление рая в принципе невозможно.

Рассуждая о проблемах идеологии, я имею в виду трактовку идеологии в широком смысле, то есть не как политическую доктрину, предназначенную для обоснования претензий на власть, а как комплекс высших системообразующих ценностей того или иного общества, который определяет поведение его членов. Идеология, по сути дела, тождественна общественному мировоззрению. Функционально – идеология надисторична, то есть во все времена она выполняет одинаковые функции. Назову одну из них: идеология должна дать ответ на вопрос об идеальном обществе. Как говорил Луций Сенека, когда «человек не знает, к какой пристани он держит путь, для него ни один ветер не будет попутным». В доперестроечной идеологии идеалом личности был человек труда, патриот, коллективист. Сейчас, как известно, иные ценности. Сегодня героями нашего времени становятся те, кто беспринципнее, бессовестнее, нахрапистее. Как и бизнес, искусство после перестройки стало несовместимо с моралью. Через слово, образ, действие нагнетается пошлость, принижаются высокие устремления, осмеиваются идеалы, эстетизируется зло. Цензура необходима.

Известный режиссер М. Хуциев в интервью высказал следующее: «У общества должно быть право на запрет. Я имею в виду на запрет пропаганды средствами массовой информации и, безусловно, искусства каких-то низменных, находящихся за гранью нравственности вещей и категорий... если есть в стране Конституция, ее Основной закон, регламентирующий жизнь, то должна быть, образно говоря, и в культуре какая-то «конституция нравственности»» [5].

Вопрос о цезуре поднимался неоднократно на самом высоком уровне. Например, обсуждение данной темы во «Временах» В. Познера. Вывод ведущего: каждый – будь-то художник, писатель и т.д. – должен руководствоваться внутренней цензурой, сочетая свободу творчества с ответственностью. Вывод Познера нельзя признать конструктивным. Во-первых, трудно определить: есть у художника внутренний цензор или нет, во-вторых, люди меняются, даже творцы и, к сожалению, не всегда в лучшую сторону. Но дело даже не в этом. Мне думается, что в наших СМИ цензура существует и называется она «форматом». Каковы параметры формата и кто является их автором – можно только догадываться.

Разумеется, свобода лучше, чем несвобода, а свежесть лучше духоты в нашем общественном доме. Но так ли уж неразрешима эта дилемма? Ведь можно не закрывать окна дома, форточки на окнах, а поставить на них сетку, которая защищала бы от всякой «нечисти» наше жилище.

На формирование национально-государственных идеологий большое влияние оказывают вызовы времени, если принять терминологию А. Тойнби. XXI век – это эпоха формирования новой парадигмы мышления или ее подготовки.

Существенной особенностью этой парадигмы является экологический императив. Что такое экологический императив? Это совокупность ограничений и запретов, выполнение которых необходимо для сохранения человеческого рода и для дальнейшего его развития. В.И. Вернадский

подчеркивал ключевую роль человека в развитии эволюционных процессов на планете «Земля». А это значит, что человек должен брать на себя ответственность за характер их протекания.

Большая роль принадлежит здесь государству. Понятие «власть» и «тотальность» должны быть переосмыслены в связи с вызовами XXI века. Либеральные ценности, столь лелеемые сегодня нашим демократическим обществом, мало совместимы с идеологией безопасности и выживания. От государства и гражданского общества требуется активное вмешательство в экономику, производство, рынок. Академик Н.Н. Моисеев в книге «Расставание с простотой», обосновывая необходимость выработки новой парадигмы мышления, связанной с активной регулирующей ролью государства, пишет: «Всестороннее вмешательство в естественный ход событий... будет, по меньшей мере, необходимым... Только теперь такому вмешательству предстоит быть еще более жестким и охватывать всю планету... Мы справедливо отказались от диктата идеологии, прежде всего коммунистической. Но и жить без четкой системы принципов тоже нельзя». И далее – «Необходима, прежде всего, некоторая новая система требований, ограничивающих ту или иную деятельность людей, то есть ставящая под контроль тот самый рынок, об утверждении свободы которого сегодня так много говорят» [6, с. 214].

Несколько дней назад наше телевидение вбросило в общественное сознание следующую картинку. Показан малыш трех-пяти лет, который, с состраданием говорит журналист, еще ни разу не пил чистой воды. Покупать нет денег, пьет ту, что из пруда берут все. Вывод: спасти мальчика от «перерождения в козленочка» (смею предположить) может только вода из Байкала. Сначала, подчеркнул журналист, трубы от Байкала пойдут в российскую глубинку и только потом – за кордон. Цель-то – Байкальскую воду – Западу, а душещипательная картинка о русском мальчике – только ширма. Это – тревожный

симптом. Значит, уже ведутся разговоры и прорабатываются планы.

Идеология невмешательства, то есть самотека, может оставить нашим потомкам выжженную пустыню, а надо, чтобы и после нас – трава.

Список литературы

1. *Изюмов А.* «Идеология здравого смысла» // Комсомольская правда. 1990. 25 апреля.

2. *Бакунин М.* Цитата по ст. А. Ципко «Истоки сталинизма» // Наука и жизнь. 1988. № 11.

3. *Ершов С.* «Middle-class. Для всех или для себя» // Литературная газета. 1990. 27 июня.

4. *Кара-Мурза С.* «Советская цивилизация от великой победы до наших дней». М., 2004.

5. *Хуциев М.* «Искусство должно говорить о добре и любви» // Северная Осетия. 2008. 30 мая.

6. *Моисеев Н.* «Расставание с простотой» М., 1998.